

ОЧЕРКИ УЧЕНИЯ О ЦЕРКВИ.

4. — Ватиканскій докладъ.

(Окончаніе*)

Ватиканскія постановленія состоять изъ двухъ частей: *constitutio dogmatica de fide catholica* (sessio III, 24 Aprilis 1870), состоящая изъ трехъ главъ: *de Deo rerum omnium creatore, de revelatione и de fide*, — это страница изъ катехизиса, свидѣтельствующая объ общей склонности католичества множить догматическія спредѣленія, вызываются ли или не вызываются они неустранимыми потребностями церковной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣющая значеніе маскировки мѣстности, прикрытие главной батареи — именно второго постановленія Ватиканскаго собора: *constitutio dogmatica I (?) de ecclesia Christi*, sessio IV, 18 Julii 1870. Она собственно и представляетъ собой знаменитый Ватиканскій докладъ, составляющій эпоху въ исторіи католичества. Она состоитъ изъ общаго введенія и 4 главъ, которыя, въ свою очередь, состоятъ изъ мотивировкіи и постановленія, «канона», скрѣпленнаго анаѳематствованіемъ его непріемлюющихъ (къ слову сказать, по смыслу этихъ анаѳемъ имѣть подлежать всѣ не католики, не признающіе Ватиканскаго доклада, а, стало быть, и всѣ «схизматическіе» *fratres separati*, т. е. и всѣ мы, православные).

* См. предыдущій номеръ *Пути*.

Мотивировка эта содержитъ въ себѣ то, что сохранилось для вѣрующихъ отъ самой сессіи собора, ея обязательная сила не столь безспорна какъ каноновъ. Первыи канонъ гласитъ: «Итакъ, если кто скажетъ, что блаженный апостолъ Петръ не поставленъ Господомъ Христомъ главою всѣхъ апостоловъ и главою всей воинствующей церкви, или же что онъ получилъ прямо и непосредственно отъ того же Господа нашего И. Христа первенство только чести, а не истинной и подлинной юрисдикціи, да будетъ анаѳема». Второй канонъ: «Итакъ, если кто скажетъ, будто не является на основаніи установленія самого Господа Христа или по божественному праву, что блаженный Петръ имѣеть въ своемъ первенствѣ надъ всею церковью непрерывныхъ преемниковъ, или, что римскій понтифексъ*) не есть преемникъ блаж. Петра въ этомъ первенствѣ, да будетъ анаѳема». Канонъ третій: «Итакъ, если кто скажетъ, что римскій понтифексъ имѣеть только полномочія надзора или направлениія, а не полную и высшую власть юрисдикціи во всей церкви, не только въ дѣлахъ, которыя относятся къ вѣрѣ и нравамъ, но даже и въ тѣхъ, которыя относятся къ дисциплинѣ и управлению во всемъ мірѣ распространенной церкви; или, что онъ имѣеть только важнѣйшія части, но не всю полноту этой высшей власти; или что эта его власть не есть ординарная и непосредственная, какъ на всѣ и каждую церкви, такъ и для всѣхъ и каждого пастырей и вѣрныхъ, да будетъ анаѳема». Канонъ четвертый: «Итакъ, мы, вѣрно слѣдуя преданію, принятому отъ начала христіанской вѣры, во славу Бога Спасителя, къ возвеличенію католической религіи и спасенію христіанскихъ народовъ, съ одобреніемъ

*) Мы оставляемъ безъ перевода это римско-языческое Pontifex, и. ч. это не совсѣмъ то же, что первосвященникъ въ христіанскомъ словоупотребленіи, хотя такъ это слово обычно переводится.

священного собора, учимъ и опредѣляемъ, что составляетъ божественное откровеніе сей догматъ; Римскій понтифексъ, когда говоритъ съ каѳедры, т. е. когда онъ, во исполненіе служенія пастыря и учителя всѣхъ христіанъ силою высшаго своего апостольскаго авторитета опредѣляетъ ученіе о вѣрѣ или нравахъ какъ содержимое для всей церкви, помошю Божіей, обѣщанной ему въ блаж. Петрѣ, пользуется тою непогрѣшительностью, ко-торою благословилъ надѣлить Свою церковь Божественный Искупитель, въ опредѣленіи ученія о вѣрѣ или нравахъ; и такимъ образомъ опредѣленія Римскаго понтифекса сами по себѣ, а не на основа-вніи согласія церкви, не подлежать исправленію. (Канонъ): Если кто рѣшится противорѣ-чить этому нашему опредѣленію, что Богъ да от-вратитъ, да будетъ анаѳема»*). Всѣ эти постанов-ленія (въ отличие отъ другихъ католическихъ со-

*) Canon I. Si quis igitur dixerit, beatum Petrum Apostolum non esse a Christo Domino constitutum Apostolorum omnium prin-cipem et totius Ecclesiae militantis visible caput; vel eundem honoris tantum, non autem verae propriaeque iurisdictionis primatum ab eodem Domino nostro Jesu Christo directe et immediate accepisse: anathema sit.

Canon II. Si quis ergo dixerit, non esse ex ipsius Christi Domini institutione seu iure divino, ut beatus Petrus in primatu super uni-versam Ecclesiam habeat perpetuos successores; aut Romanum Pon-tificem non esse beati Petri in eodem primatu successorem: anathema sit.

Canon III. Si quis itaque dixerit, Romanum Pontificem habere tantummodo officium inspectionis vel directionis, non autem plenam et supremam potestatem iurisdictionis in universam Ecclesiam, non solum in rebus, quae ad fidem et mores, sed etiam in iis, quae ad disciplinam et regimen Ecclesiae per totum orbem diffusae pertinent; aut eum habere tantum potiores partes, non vero totam plenitudinem huius supremae potestatis, authanc eius potestatem non esse ordi-nariam et immediatam sive in omnes ac singulas ecclesias sive in omnes et singulos pastores et fideles: anathema sit.

Canon IV. Itaque Nos traditioni a fidei christianaе exordio perceptae fideliter inhaerendo, ad Dei Salvatoris nostri gloriam, religionis catholicæ exaltationem et christianorum populorum sa-lutem, sacro approbante Consilio, docemus et divinitus revelatum dogma esse definimus: Romanum Pontificem, cum ex cathedra loqui-tur, id est, cum omnium Christianorum pastoris et doctoris munere fungens pro supra-rena sua Apostolica auctoritate doctrinam de fide vel moribus ab universa Ecclesia tenendam definit, per assistentiam

боровъ, — не только Констанцкаго, но даже и Тридентскаго) облечены въ форму буллы, изданной какъ лично е постановленіе папы. Это потрясающее опредѣленіе въ первыхъ двухъ главахъ содержитъ ученіе, которое създавна (хотя и не изъ начала) стало присуще Римской церкви: о приматѣ Петра и его преемствѣ въ римскихъ понтифексахъ. Догматизировано оно было, однако, нерѣшительно и какъ будто мимоходомъ, развѣ только на Флорентійскомъ соборѣ.*). Въ Ватиканѣ раскрывается содержаніе этого примата въ двухъ направленияхъ: со стороны полноты власти и юрисдикціи, какъ и со стороны доктрины непогрѣшительности. Обычно поражаются второй частью этого опредѣленія, между тѣмъ, какъ не менѣе существенна первая**), вѣриюще, объ связь между собою. Третій канонъ даетъ папѣ абсолютную власть, надъ всесою церковью, въсѣми ея членами и во всѣхъ дѣлахъ, притомъ власть и полную и въ точномъ смыслѣ слова, т. е. «не примать чести», но именно юрисдикцію, непосредственную и ординарную. Это значитъ, другими словами, что, по крайней мѣрѣ, въ области юрисдикціи церковная власть

divinam ipsi in beato Petro promissam, ea infallibilitate pollere, qua
divinus Redemptor Ecclesiam suam in definienda doctrina de fide
vel moribus instructam esse voluit; ideoque eiusmodi Romani Ponti-
ficiis definitiones ex sese, non autem ex consensu Ecclesiae, irrefor-
mabiles esse

(Canon). Si quis huic Nostrae definitioni contradicere, quod
Deus avertat, praesumpserit: anathema sit.

*). Попытка связать 2 канонъ съ Ефесскимъ вселенскимъ соборомъ ссылкой на притязательную рѣчь папского легата, есть одна изъ тѣхъ историческихъ натяжекъ и извращений, которые разоблачены полностью и неопровергимо Schulte въ Die Stellung etc.

**) Справедливо замѣчаетъ F r i e d r i c h. Tagebuch, Beilage III, 435, что «plenam potestatem ordinariam et immediatam», — эти немногія слова суть опаснѣйшія во всей схемѣ. Черезъ нихъ епископатъ побуждается дать свое одобрение по существу иммoralной системѣ папизма, противъ которой протестовали соборы Констанцы и Базеля и провозглашали епископальную систему, что

есть папа, ибо никакой самобытной власти наряду съ нимъ нѣть и быть не можетъ. Епископы лишаются своего жезла и становятся требоисправителями, всецѣло зависящими отъ папы во всемъ, ибо власть эта не только высшая, но и ординарная и непосредственная, папа есть единственный епископъ со властью. И передъ уничтожающей силой этого неслыханного въ исторіи духовнаго абсолютизма, возвращающаго нась далеко за христіанство, въ египетскую теократію и къ языческому «Pontifex maximus» императорства, казенной и безсодержательной отпиской звучить оговорка въ мотивировкѣ сар. 3*). Остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ можетъ утвердиться въ церкви какая бы то ни было другая власть въ полноты папской юрисдикціи. И ужъ если примѣнять излюбленное сравненіе папства съ монархіей, то въ абсолютной монархіи какую же самостоятельность имѣть природа власти у министровъ, губернаторовъ и всѣхъ

даже вызвало Лютерову реформацію и сильнѣйшее противодѣйствие на Тридентскомъ соборѣ». Любопытно, что прежніе сторонники абсолютной власти папы понимали, чего хотѣли, и не вуалировали этого софизмами, какъ это принято теперь. Въ *Nouvelles Religieuses*, 1 sept. 1923 сообщается объ открытомъ Elter S. J. трактатѣ *maitre Hervé XIV* въ защиту привилегій монашескихъ орденовъ въ связи съ папской юрисдикціей. *De iurisdictione et de exemptione* (Gregorian, іюнь, 1923). Здѣсь она опредѣляется такими чертами: «во вселенской церкви папа получиль прямо отъ Бога черезъ посредство Христа, котораго онъ есть викарій, полную власть церковной юрисдикції. Епископы обладаютъ, соотвѣтственно свойству сана, лишь властью ordinis, дѣйствительно совершающа таинства. Уступая имъ юрисдикцію, Р. М. не отказывается ни отъ какихъ своихъ высшихъ правъ. Онъ пребываетъ всегда въ качествѣ главы церкви, ординарнымъ и непосредственнымъ главой всѣхъ вѣрующихъ, каждого изъ нихъ, каковъ бы ни былъ ихъ рангъ въ єпархіи. Онъ можетъ ограничить или пріостановить всей своей суверенной властью всѣ епископскія юрисдикціи» (385-6).

*.) «Однако нѣть того, чтобы эта власть верховнаго понтифекса нарушила ординарную и непосредственную власть епископской юрисдикції, силою которой епископы, какъ поставленные Духомъ Св. (Д. Ап. 20, 28), заступили мѣсто апостоловъ, какъ истинные пастыри пасутъ и правятъ порученными имъ стадомъ, нааждый своимъ (далѣе дѣлается ссылка на п. Григорія В., который, какъ известно, съ гнѣвомъ отвергъ, какъ притязательное, званіе episcopus universalis).

чиновниковъ? Фактически отправление власти делегируется, но она осуществляется всегда и во всемъ «по указу его императорского величества». Это значитъ: папа можетъ приказать все и потребовать в сего подъ угрозой самого страшного наказанія, — духовной казни, анаѳемы (тѣмъ болѣе, что давно уже папамъ присвоено было распоряженіе не только въ земномъ мірѣ, но и загробномъ, черезъ индульгенціи въ чистилищѣ. Въ этомъ смыслѣ индульгенціи имѣютъ прямую связь съ развитіемъ папской *plena potestas* и упрачились на почвѣ такого стремленія: практика индульгенцій есть одно изъ проявленій папизма). Правда, здѣсь скажутъ, что папа ограниченъ церковными законами, догматами, вообще церковнымъ преданіемъ, какъ говорили нѣчто подобное и относительно абсолютнаго монарха. Однако, какъ монархъ не ограниченъ законами, но самъ себя ими ограничиваетъ, постольку же и папа самъ есть живое преданіе церкви, точнѣе, именно онъ, и только онъ, по смыслу Ватиканскаго догмата, и есть это преданіе. Поэтому онъ не связанъ и церковнымъ преданіемъ, точнѣе, онъ властенъ его аутентически истолковывать, почему «сужденіе Апостольской каѳедры» выше которой нѣть авторитета, никѣмъ не должно быть отмѣнено, и никому не позволяетъ судить объ его сужденіи. Безапелляционность сужденія фактически включаетъ въ себя и безошибочность, даже если бы она и не была нарочно формулирована въ 4 главѣ. Случай еретичества папы, который и послѣ Ватиканскаго догмата все еще допускаютъ «соглашатели», какъ напр. Гефеле*),

*) Н e f e l e , I, 50: противъ галликанцевъ, Констанцкаго и Базельскаго собора, признававшихъ двѣ возможности смѣщенія папы: *ob mores* или *ob fidem aut haeresim*, онъ допускаетъ лишь вторую, но тогда папа перестаетъ быть и членомъ тѣла церкви. Разумѣется, это сужденіе уже несомнѣстимо съ Ватиканомъ. Есть и еще вопросъ: можетъ ли папа быть больнымъ психически, како-

становится уже недопустимымъ, потому что заранѣе устраивается возможность органа, который засвидѣтельствовалъ бы это еретичество и тѣмъ самыи дерзнуль бы *de eius judicare judicio*. Так. обр., устанавливается правовая и такъ сказать механическая непогрѣшительность, связанная съ должностю или саномъ, притомъ, главное, безсмѣннымъ и пожизненнымъ.

З канонъ даетъ папѣ такую фактическую непогрѣшительность въ абсолютности его церковной власти, что 4 канонъ, обычно привлекающей къ себѣ вниманіе, является, въ извѣстной степени, къ нему даже о г р а н и ч е н і е мъ, вѣрнѣе, онъ пытается его установить. А именно, если папа, силою своей *plena potestas* можетъ приказатъ в с е, а, следовательно, практически всегда и во всемъ *irreformabilis*, то 4 канонъ эту непогрѣшительность, *infallibilitatem et irreformabilitatem* (оба эти термина, какъ мы видѣли, употреблены въ опредѣлениі 4 канона, причемъ первый болѣе означаетъ теоретическую безошибочность мысли, второй — практическую безошибочность опредѣ-

вымъ почитался Пій IX во время Ватиканскаго собора иѣкоторыми его отцами (по свидѣтельству Friedrich'a)? Папа Адріанъ VI въ бытность профессоромъ Лувенскаго университета имѣлъ специальностью обличать папъ въ ереси (Janus, 399, 430). Также Р o h l e. Unfehlbarkeit въ Kirchenlexicon Wetzer u. Welte's, XII, 244, прим. къ удивленію находитъ: «изъ ватиканскаго догмата не слѣдуетъ даже невозможность форменного отпаденія папы отъ вѣры, какъ и каноническое право для такого случая (конечно, воображаемаго) предусматриваетъ немедленную потерю папскаго сана» (Decret. Grat. dist. 39, с. 6, cf. Philipli p. Das Kirchenrecht, I, 261 f., Schiebelen. Handb. d. Dogmatik, I, 214). Но постановленія Граціанова кодекса относятся къ тому времени, когда церковное право папской непогрѣшительности еще не знало. Къ исключеніямъ изъ непогрѣшительности относятся случаи, когда папа подвергается внѣшнему насилию и не имѣть свободы сужденія (Palmieri. De romano pontifice, 1877, р. 628). Однако, допускать такую погрѣшительность, такъ сказать фальшивую *ex cathedra*, не соотвѣтствуетъ столь смѣло провозглашенному *veritatis et fidei nonquam deficientis charisma*, предоставляемому критически испытывать каѳедральность папского сужденія. Легко себѣ представить, какое значеніе получить эта оговорка, если для римской каѳедры опять наступятъ черные дни, которые уже бывали въ прошломъ.

ленія, доктринального правила или приказа), ограничивает лишь дѣлами вѣры и нравствъ и притомъ при условіи высказыванія *ex cathedra*.

Излишне говорить, какія историческія трудности существуютъ для доктринальной непогрѣшности*). Но и доктринально эта каучуковая фор-

*) «Несомнѣнно, исторически установлено, что даже Петръ, согласно обѣщанной ему, какъ выражается *Vaticanum*, божественной асистенции въ вѣрѣ, не только заблуждался, но и отвергъ Христа; что не Петръ, но соборъ апостоловъ рѣшилъ споръ о необходимости обрѣзанія (Д. А., гл. 15); что Петръ былъ порицаемъ Павломъ за его ученіе (Гал. 2, 11); что п. Гонорій заблуждался въ вѣрѣ; что 6, 7 и 8 вселенскіе соборы прокляли п. Гонорія какъ еретика, что п. Левъ II признаетъ заблужденіе Гонорія; что п. Вигилій училъ еретически, что признаетъ п. Пелагій II въ Эллі Аквилейской въ 585 г., что 5 вселенскій соборъ проклялъ п. Вигилія какъ еретика; что папы на протяженіи вѣковъ въ даваю-
момъ ими при вступлении на должность обѣтъ обѣщали соблюденіе и признаніе 8 всел. соборовъ, проклинали своего предшественника Гонорія (*Liber diurnus ed. de Roziere form. 83 ff.*); что папы прежде признавали свою погрѣшность въ дѣлахъ вѣры (см. *Stellung*, 74 ff.); что между папскими декретами *ex cathedra*, между ними и положе-
ніями вселенскихъ соборовъ, между отдѣльными ихъ пунктами, неизмѣнно касающимися вѣры, существуютъ противорѣчивыя положенія: между буллой *Unigenitus* п. Климента XI, п. 91 и письмомъ п. Гелазія противъ Акакія п. 43 — между Евгеніемъ III и cons. *Remense* 1148 и can. 4 de sarc. ord. Cons. Trid. sess. XXIII, — между ер. 6 Гелазія и сар. 4 и can. 4 de comm. sess. XXI (*Stel-
lung*, 183 ff.), между Гелазіемъ ер. 37 ita nos и can. 1. 3. de comm.
sub utraque sess. XXI cons. Trid.; что всѣ значительные канонисты съ Граціана въ 12, 13 в. в., многіе въ 14, 15 в. в. и оба значитель-
нѣйшіе изъ іезуитовъ: Шмальцгрюберъ и Лайманъ признаютъ, что папа можетъ быть обвиненъ въ ереси (*Stellung*, 189); что древніе папы опредѣленно для рѣшенія вопросовъ вѣры считали нужными соборы, относительно чего 5 всел. соборъ ссылался даже на примѣръ апостоловъ» (Schulte. *Der Altkatholizismus*, 309). Къ этому перечню еще можно прибавить слѣдующіе примѣры: папа Николай I опредѣлилъ въ отвѣтѣ болгарамъ въ 866 г., что крещеніе, совершенное только во имя Господа Иисуса Христа притомъ даже евреемъ, дѣйствительно (*Denzingeri*, п. 335), напротивъ, по опредѣ-
ленію папы Александра III (XII вѣка) дѣйствительнымъ является крещеніе, совершенное только во имя Св. Троицы (*Denz.* 399) и это, конечно, подтверждается и на Флорентийскомъ соборѣ (*Denz.* 696). (Разумѣется, ошибочное опредѣленіе п. Николая I истолко-
вывается какъ выраженіе его личнаго мнѣнія, не *ex cathedra*). Въ приведенномъ опредѣленіи п. Александра III въ форму крещенія необходимо вводятся и слова: *ego te baptizo*; напротивъ п. Александра VIII (XVII вѣка) призналь (*Denz. 1317*), что опущеніе этихъ словъ (*ego in nomine*) не уничтожаетъ дѣйствительности крещенія. Въ опредѣленіи *intentio* п. Иннокентій III (1210 г.) въ буллѣ про-
тивъ вальденцевъ требуетъ *i. fidelis*, также п. Александръ VIII утверждаетъ, что крещеніе, совершенное по всей формѣ, не имѣть

мула можетъ быть растягиваема въ разныя стороны, какъ будто для этого она и поставлена (потому что иначе несообразность догмата была бы ничѣмъ не замаскированной). Если бы канону 4 не предшествовали три первыхъ, съ нимъ связанные, то мысль его объ авторитетномъ первоиерархѣ, провозглашающемъ въ окончательной формѣ постановленія собора, была бы почти безобидна и даже... православна. Ею опредѣлялось бы положеніе папы, въ качествѣ первого патріарха, относительно всей вселенской церкви, по аналогіи съ положеніемъ, напр., русскаго патріарха относительно русской церкви, какъ оно опредѣлено было соборомъ 1817-18 г.г.—быть устами помѣстной церкви, какъ возглавителя помѣстнаго собора. И это въ общемъ соотвѣтствовало бы авторитету папы, ему присущему (правда, не безъ колебаній) въ эпоху вселенскихъ соборовъ, до раздѣленія церквей. Но въ связи съ канономъ 3, канонъ 4 устанавливаетъ фактическую непогрѣшительность или, что важнѣе, непреложность, *irreformabilitatem*, всякаго папскаго сужденія. В с я к о е опредѣленіе папы, которое онъ совершаеть какъ папа, полнотой своей власти, есть уже *ex cathedra*, потому что нельзя раздѣлить въ личности папы священника, римскаго архиерея, итальянскаго патріарха и вселенскаго епископа. Разумѣется, обѣдаеть и отдыхаетъ онъ, какъ частное лицо, но онъ тогда и не обращается къ церкви. Совершаеть мессу онъ лишь какъ епископъ или священникъ, но постольку онъ также не обращается къ церкви (впрочемъ, поскольку онъ самъ является своимъ собственнымъ и единственнымъ архиереемъ, онъ и мессу

силы, если священникъ внутри себя (?) скажеть *non intendo*. Т. о. устанавливается понятіе *intentio interna*. Напротивъ, п. Левъ XIII въ своей буллѣ объ англиканскихъ ординаціяхъ (1896 г.) заявляетъ прямо, что о внутреннемъ намѣреніи церкви не судить, но она должна судить о немъ, лишь поскольку оно проявляется извѣзъ.

совершаетъ силою папской юрисдикції). Всѣ же его церковныя опредѣленія; на соборѣ или въ консисторіи, буллы или бреве, одинаково несутъ на себѣ печать полноты власти, *irreformabilitatem*, и всѣ суть въ этомъ смыслѣ *ex cathedra**). Есть единственно опредѣлимая и ощутимая папская *cathedra*, — полнота власти, и потому все, что онъ совершаетъ въ церкви, есть и *ex cathedra*, подобно тому, какъ воля абсолютнаго монарха одинаково непреложна и суверенна какъ въ законодательномъ актѣ, такъ и въ любомъ административномъ назначеніи, и различія относятся лишь къ области классифікаціи и кодификациіи, а не къ природѣ власти.

Тоже самое должно быть сказано и о дальнѣйшемъ ограниченіи относительно *de fide et moribus*. Излишне говорить, что послѣдняя оговорка — *de moribus* — имѣеть уже совершенно неопределеннное и безграничное содержаніе: что же въ человѣческихъ дѣлахъ такъ или иначе не относится къ *mores*? Но при ближайшемъ разсмотрѣніи и *de fide* не менѣе неопределенно. Положеніе $2 \times 2 = 4$ есть не *de fide*, но *de arithmeticâ*. Однако, если бы когда-нибудь возникъ религіозный споръ въ связи

*) Разумѣется, католическое богословіе настаиваетъ на различіяхъ: «теологи выдвигаютъ положеніе, что папа ни какъ частный ученый, ни какъ свѣтскій суверенъ (какъ будто онъ не выдвигалъ въ качествѣ орудія политической борьбы духовныхъ кары!), ни какъ простой (?) епископъ города Рима, ни какъ примасъ Италии, ни какъ патріархъ Запада не имѣеть непогрѣшительности, а только единствено и исключительно какъ верховный глава церкви (и притомъ *ex cathedra*)... Поэтому распоряженія учебно-политическаго, церковнополитического, административного характера или примененія вѣроучительного начала къ частнымъ случаямъ затрагиваются столь же мало папскую непогрѣшительность, какъ и тогда, когда папа, хотя и решаетъ вопросъ доктрины, но не въ торжественной всеобщеобязательной формѣ *ex cathedra*» (Рohle l. c., 244). Разумѣется, всѣ эти отвлеченные разграничія не имѣютъ никакой силы предъ конкретнымъ единствомъ личности, носителя абсолютной власти. Это только показываетъ, какая степень растерянности существуетъ по этому вопросу въ богословіи, и какъ сами богословы не знаютъ, что дѣлать съ ватиканскимъ догматомъ и куда его уложить.

съ таблицей умноженія (на почвѣ гносеології), папскій декретъ и о ней былъ бы de fide не прямо, а косвенно. Иначе къ чему относилось папское определеніе съ осужденіемъ астрономической теоріи Коперника, съ которымъ приходится теперь такъ трудно апологетамъ какъ Hergenrother? Вообще, когда папа учительно обращается къ церкви въ лицѣ любыхъ ея органовъ какъ папа, то онъ дѣлаетъ это только de fide et de moribus, п. ч. другихъ интересовъ въ жизни церкви вообще нѣть, всѣ же частности имѣютъ значеніе средства: каноника, дисциплина, литургика и т. д. Вѣрнѣе, всякий вопросъ или прямо имѣеть, или можетъ получить при обостреніи свое мѣсто значеніе вѣро- или нравоучительное*). А потому оговорка 4 канона въ дѣйствительности ничего не оговаривается, и папъ здѣсь усвояется, вмѣстѣ съ plena potestas и plena infallibilitas et irreformabilitas, иначе говоря, молчаливо провозглашается, что церковь — это папа. И за всякимъ папскимъ распоряженіемъ стоить plena potestas, принципіально или же и актуально.

Есть ли граница папскому всемогуществу въ церкви? Ея нельзя указать, разъ принципіально признана единоличная абсолютная власть. Въ сущ-

*) У Schulte. Die Macht der römischen Päpste über Fürste etc., 1871, сдѣланъ подборъ папскихъ буллъ, касающихся разныхъ вопросовъ и, по смыслу непогрѣшительности, сохраняющихъ силу и теперь, напр. устанавливающихъ полную власть папы надъ царями и подданными, какъ католическими, такъ и не-католическими, на основаній которой они даруютъ имъ новыя страны съ правомъ обращать въ рабство населеніе... Такъ папа Николай V въ буллѣ Romanus Pontifex, а также въ буллѣ Nuper non 9 янв. 1454 г. даетъ такія права португальскому королю Альфонсу относительно зап. Африки (подтверждено п. Каллистомъ III въ буллѣ Inter caetera 1456 г. и Сикстомъ IV въ буллѣ Aeterni Regis 1481 г.). Въ буллахъ п. Николая V португальцамъдается исключительная власть надъ морями. П. Александръ VI въ буллѣ Inter caetera 4 мая 1493 г. вновь открытыя страны и острова отдаетъ королю Фердинанду и королевѣ Елизавѣтѣ «силой апостольской полноты власти», «авторитета всемогущаго Бога, данной намъ въ Св. Петрѣ и какъ намѣстнику I. Христа» (36-7). Папа можетъ и христіанскихъ подданныхъ, глава которыхъ анаематствовать, дѣлать рабами и дарить: п. Григорій XI отн. флорентійцевъ 22 марта 1376 г. въ буллѣ In omnes fere .(38) и т. д.

ности, однимъ ватиканскимъ догматомъ исчерпывается вся католическая догматика, ибо въ немъ устанавливается критерій церковной истины, который имѣеть, по смыслу догмата (какъ ни противорѣчить это церковной исторії)*) силу и на прошлое и на будущее. Догматической истиной является то, что провозглашаетъ таковою папа *infallibiliter*, а практической истиной являются его распоряженія какъ *irreformabiles*. Ему присуща непогрѣшительность всей церкви: по формулѣ кан. 4, *per assidentiam divinam ipsi in beato Petro promissam, ea infallibilitate pollere, qua divinus Redemptor Ecclesiam suam in definienda doctrina de fide vel moribus instructam esse voluit*, такъ что какъ будто и въ самомъ догматѣ ставится знакъ равенства между церковью и папой. Однако и здѣсь, предумышленно или вслѣдствіе торопливости, допущена за вѣдомая двусмысленность, позволяющая толковать догматъ, съ одинаковымъ, притомъ, основаніемъ, въ двухъ разныхъ, если не прямо противоположныхъ, смыслахъ. Первый смыслъ, естественно вытекающей изъ общаго контекста, нами указанъ: по крайней мѣрѣ въ случаѣ непогрѣшительного сужденія церковь — это папа. Второй смыслъ стараются извлечь богословы, не знающіе, что имъ дѣлать съ этимъ догматическимъ абсурдомъ и толкующіе его «*positiv, nicht exclusiv*». На этой точкѣ зреїнія стоять напр. авторитетные представители нѣмецкаго католическаго богословія: Scheeben-Atzberger, Simar, Pohle и др. Согласно этому толкованію папѣ принадлежитъ та власть, которая принадлежитъ и церкви, и поэтому, по меньшей мѣрѣ, остается открытымъ вопросъ, имѣеть ли коллегія епископовъ, т. е. соборъ (разумѣется, тоже въ соединеніи съ папой)

*) Шульте справедливо указываетъ, что ссылка на Florentinum въ с. IV, какъ и цитата изъ его постановленія, сделанытенденциозно, съ опущеніемъ конца, где имѣется ссылка на всѣ соборы.

iure divino, ту же полноту власти, что и папа одинъ, а также получаютъ ли еписконы власть юрисдикціи непосредственно отъ Христа или отъ папы, вопросъ, дебатировавшійся еще на Тридентскомъ соборѣ, причемъ *potestas ordinis* произвѣдилась прямо отъ Христа, а происхожденіе *iurisdictio* такъ и остается неопределеннымъ*). «Здѣсь не сказано, что специальна папъ обѣщанная помощь ис ерпываетъ вообще помошь, обѣщанную учительному тѣлу церкви или есть формальное адекватное основаніе для в с е й непогрѣшительности учительного тѣла, и что, слѣдовательно, послѣдняя исчерпывается папской непогрѣшительностью или осуществляется ею и с к л ю ч и т е л ь н о. Ибо слова *ea infallibilitate pollere qua etc.* скорѣе предполагаютъ, что между непогрѣшительностью папы и церкви существуетъ не адекватное, но неадекватное различие (?); иначе бы фактически намѣченное этими словами утвержденіе, что одно имѣетъ тотъ же объемъ, что и другое, не имѣло бы правильнаго смысла»**). Поэтому, по мнѣнію Atzberger‘а и др. названныхъ

«Греки разумѣли подъ ними только ими принятые вселенскіе соборы т. н. уніаты только 8; ни на одномъ изъ нихъ отъ Никейскаго 325 г. до 4 Константинопольскаго 869 г. не признавался римскій епископъ ни единственнымъ, ни непогрѣшимымъ учителемъ вѣры и нравовъ; столь же мало это имѣло мѣсто и на 4 латеранскихъ 1123, 1139, 1179, 1215 и на двухъ ліонскихъ 1245 и 1274 и Вѣнскому 1311. Напротивъ, Констанцій соборъ въ 5 своемъ засѣданіи 6. IV. 1415 г. догматически опредѣлилъ: папа подобно всякому другому подвластенъ общему собору. Это 5-ое Констанційское засѣданіе принадлежитъ несомнѣнно къ признанной п. Мартиномъ V части собора. Т. о. ни одинъ изъ 11 признанныхъ въ самомъ Римѣ до Флорентійскаго собора или, опускай Констанцій (Базельскій не идетъ въ счетъ), изъ¹⁶ вселенскихъ соборовъ не постановлялъ то, для подтвержденія чего въ с IV приводится *Florentinum*. Впрочемъ, то, что говорить Флорентійскій соборъ, *himmelweit* далеко отъ ватиканской дефиниціи, такъ что даже оппозиція на ватиканскомъ соборѣ склонялась къ повторенію Флорентійского опредѣленія. Сверхъ всего, *Florentinum* устарѣло или разъяснено чрезъ *Tridentinum* (l. c. 307).

*.) См. Scheeben — Handb. d. kath. Dogm. IV. Bd. I Abth., von L. Atzberger. Freiburg; Br. 1898, стр. 443-4. Ср. здѣсь характеристику полноты папской власти 438-9.

**) Scheeben, l. c., 225 (какъ будто это аргументы!).

богослововъ, вселенскіе соборы съ папой во главѣ, имѣющіе значеніе для ясности рѣшений и поддержки папѣ (какъ будто такая поддѣржка возможна и онъ въ ней нуждается!), обладаютъ и своей самостоятельной непогрѣшительностью, которая была бы имъ присуща, даже если бы папа и не былъ непогрѣшимъ. «Отсюда объясняется, какимъ образомъ до Ватикана не только утверждалась непогрѣшность соборовъ безъ непогрѣшности папы, но и могло считаться признаннымъ, что послѣдняя не заключается съ необходимостью въ первой, и она могла бы доказываться еще и иначе чѣмъ черезъ первую или вмѣстѣ съ первой»*) Однако по смыслу Ватиканскаго догмата, бросающаго свѣтъ и на всю прошлую церковную исторію и дающаго ей авторитетное доктринальное истолкованіе, сила соборовъ заключалась въ ихъ утвержденіи папой, безъ чего они и не были бы вселенскими соборами. Съ другой стороны, папа можетъ обходиться и безъ соборовъ, которые нужны ему лишь въ порядкѣ совѣщательномъ, отнюдь не законодательномъ, а потому и могутъ быть замѣнены куріей, а то и вовсе упразднены. Болѣе послѣдовательные истолкователи ватиканскаго догмата (какъ напр., іезуитъ Пальміери)**), прямо утверждаютъ, что папа есть единая власть въ церкви, обладающая и непогрѣшительностью и безошибочностью.

Дѣйствительно, не можетъ быть двуихъ суверенитетовъ, двухъ верховныхъ юрисдикцій или органовъ непогрѣшительности, а потому и является или недомысліемъ, или открытымъ противленіемъ дѣйствительному смыслу ватиканскаго догмата (которое, повидимому, рас-

*) Ibid., 244. Cp. Th. H. Simag. Lehrbuch der Dogmatik, 4 Aufl. 1899, I, 40; II, 754-6; Pohle, I. c. 248. H. Schell. Die kathol. Dogmatik. Paderborn. 1892. Bd. III, [1], 410-22.

**) De romano pontifice, thes. 21.

пространено въ католическомъ мірѣ больше, чѣмъ это кажется) такое признаніе какихъ то самостоятельныхъ правъ какъ за епископатомъ, такъ и за соборомъ. Первое отрицается рѣшительнымъ и двухъ истолкованій не допускающимъ постановленіемъ З канона, которое дѣлаетъ епископовъ простыми викаріями папы, а его не только episcopus universalis, но и episcorus episcorum*). Второе же исключается прибавкой *ex sese*, non *ex consensu ecclesiae*, вставленной, какъ мы уже знаемъ, зарвавшимися ревнителями въ послѣдній моментъ**) и принятой бѣзъ обсужденія. Апологеты толкуютъ и эту прибавку къ первоначальному *ex sese* какъ ограничительную, специально опредѣляющую смыслъ этого выраженія, которое иначе могло бы означать полную неограниченность папы въ провозглашеніи догматовъ. По общему контексту не эта опасность угрожала, но скорѣе рѣчь шла просто о томъ, чтобы вбить послѣдній гвоздь для закрѣплениія формулы. Это же значеніе имѣло и устраненіе нѣкоторыхъ, дѣйствительно, ограничительныхъ словъ въ проектѣ, требующихъ отъ папы вѣрности церковному преданію и открывавшихъ дорогу критикѣ. Эти въ роковой формулѣ самыя роковые слова отдѣляютъ папу отъ церкви и противостоятъ его ей какъ повелителя, трансцендентнаго церкви (вопреки постоянно дѣлаемому сравненію главы въ соединеніи съ тѣломъ). Они *implicite* отвергаютъ начало соборности въ церкви, зиждущееся на сло-

*) Schulte. Lehrbuch des kathol. Kirchenrechts, 3 A. 1873, стр. 241-2.

**) Въ схемѣ 15 іюля было вычеркнуто *sunt saeteris* (что могло быть истолковано въ «галликанскомъ» духѣ), чѣмъ усиленъ элементъ папской непогрѣшительности независимо отъ епископата, и вставлены слова «*non autem ex consensu Ecclesiae*» — ключевая позиція догмата. Затѣмъ въ абзацѣ IV гл. Нос *igitur* поставлены слова: *nunciam defientis*, вмѣсто *non defientis*, чѣмъ были отвергнуты всѣмъ историкамъ извѣстныя заблужденія прежнихъ папъ. (Schulte, I. c. 289).

вахъ Христовыхъ: «идѣже два или три собраны во Имя Мое, тамъ и Азъ посредъ ихъ» и на апостольскомъ преемствѣ епископата. Если бы эти слова въ формулѣ вовсе отсутствовали (или же вмѣсто нихъ стояли бы обратныя: *non ex sese, sed cum consensu ecclesiae*), тогда можно было бы правомѣрно отстаивать точку зрењія епископальную и соборную, однако она молчаливо, но выразительно отвергнута въ этихъ словахъ. Выражаясь языккомъ католического богословія, на долю в сеї церкви оставлена только *infallibilitas passiva*, т. е. добродѣтель вѣрующаго послушанія, вся же *inf. activa*, которую католики относятъ на долю учащей церкви, принадлежитъ одному папѣ. Это же подчеркивается и тѣмъ обстоятельствомъ, что постановленіе собора опубликовано одностороннимъ папскимъ приказомъ, буллой, гдѣ, правда, упоминается: *sacro approbante consilio*, но лишь въ качествѣ фактическаго, сопровождающаго обстоятельства, а не въ качествѣ канонического мотива или постановленія: этой *approbatio* собора противостоять папское *docemus et definimus*. Конечно, ватиканскій догматъ могъ бы быть опубликованъ и постановленіемъ собора, подтвержденнымъ папой. Тогда, по смыслу догмата, соборъ явился бы только «каѳедрой», папскимъ *ex cathedra* (какъ императорскіе указы иногда облекались въ форму постановленій госуд. совѣта, высочайше утвержденныхъ). Въ дѣйствительности же принятый способъ опубликованія не со вмѣстимъ съ какой бы то ни было самостоятельной ролью собора. Это становится еще болѣе понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что право опубликованія догматовъ или же правилъ вѣры принадлежитъ тому, кому свойственна полнота власти. Поэтому во вселенской церкви это право присуще было только вселенскимъ соборамъ, какъ органамъ высшей церковной власти для всей церкви. Теперь

эта *plena potestas* приписана одному папѣ, ему же и право провозглашенія догматовъ. Ватиканскій соборъ быль не соборъ, а простое совѣщаніе при папѣ, расширенная консисторія, ибо при а б с о - л ю т н о й власти папы вообще не можетъ быть собора, — не фактически, но канонически.

Здѣсь мы вплотную подходимъ къ основному внутреннему противорѣчію, которое является роковымъ въ самоопределѣніи Ватиканскаго собора. Онъ созывался еще какъ соборъ, ибо раньше его не было догматовъ ни о *plena potestas*, ни объ *infallibilitas*, — тому доказательство, что оба они именно и обсуждались на соборѣ, какъ спорныя положенія, которыхъ многими и вовсе отвергались. Иначе говоря, оба догмата принадлежали къ истинамъ не самоочевиднымъ, относились не къ аксиомамъ, а къ теоремамъ. Но въ то же время провозглашеніе ихъ на соборѣ и отъ лица собора является внутренне противорѣчивымъ. Провозглаша папскій суверенитетъ, соборъ тѣмъ самымъ себя упразднилъ, совершилъ догматическое самоубийство, объявилъ свое собственное не-существованіе. Невозможно и внутренно противорѣчivo такое собраніе, которое постановляетъ то, что съ момента постановленія упраздняетъ и отвергаетъ его собственную правомочность и даже возможность, и притомъ не только въ будущемъ, но и въ прошломъ и настоящемъ. Нѣть противорѣчія, если учредительное собраніе избираетъ монарха или диктатора, и затѣмъ самоупраздняется, подчиняясь ему: оно передало ему полноту своей собственной власти, суверенитетъ здѣсь не прерывается, оно правомочно распорядилось полнотой съвоей власти. Но въ какомъ же положеніи оказывается соборъ, обсуждающій и голосующій такое догматическое положеніе, въ силу котораго оказывается, что ему вовсе не принадлежитъ ни полноты власти, ни даже вообще самостоятельнаго

значенія, ибо верховная власть въ церкви принадлежить и всегда принадлежала папѣ? Развѣ компетентенъ въ такомъ случаѣ соборъ судить и рядить объ этомъ? Развѣ могутъ столоначальники собравшись постановлять что-либо относительно власти директора департамента, которому они по закону подвѣдомствены? Развѣ можетъ какое бы то ни было собраніе въ самодержавной имперіи что нибудь постановить относительно правъ своего монарха, взвѣшивать ихъ или надѣлять его ими? Однако подобный догматическій абсурдъ именно и имѣть мѣсто на Ватиканскомъ соборѣ. Какъ могло быть внесено на обсужденіе собора положеніе, что полновластенъ судить и решать не соборъ, а папа, и какъ могъ соборъ даже согласиться на обсужденіе подобнаго абсурда? Можно, конечно, возразить, что соборъ долженъ быть исполнить распоряженіе папы во имя послушанія, чего бы оно ни касалось, однако даже и непогрѣшимый папа не можетъ совершать дѣйствія абсурднаго и самопротиворѣчивааго, каковымъ, безспорно, является внесеніе на соборное обсужденіе и решеніе вопроса о томъ, что верховная власть въ церкви вообще (а въ частности и на это решеніе) принадлежить не собору, а папѣ. Ватиканскіе ревнители въ своемъ богословскомъ волонтеризмѣ не додумали до конца свой планъ использовать соборъ на то, что по смыслу своему никакому собору въ мірѣ неподвѣдомственно, и тѣмъ самыемъ фактически и догматически превратили соборъ, созданный и открытый какъ соборъ, въ соборный маскарадъ или простое совѣщаніе епископовъ при папѣ, имѣющее предметомъ лишь обсудить, какъ вѣра въ догматъ искони существовавшій фактъ. Ибо очевидно, что, если папскій приматъ есть самимъ Богомъ установленный и всегда существовавшій фактъ, то онъ могъ быть соборомъ самое большее развѣ

только провозглашень, но не утвержденъ*). Собору здѣсь поставлена задача, которая завѣдомо превышаетъ его компетенцію, и потому должна бы быть имъ отвергнута или оставлена безъ обсужденія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ разсмотрѣніе ея является недоразумѣніемъ и ошибкой.

Есть истины, которыя не могутъ быть доказываемы, ибо сами онъ лежатъ въ основѣ всякаго доказательства: таковы математическая аксіомы, на основаніи которыхъ доказываются теоремы. Аксіома никоимъ образомъ не можетъ быть превращена въ теорему и сама стать предметомъ доказательства или изслѣдованія. Подобнымъ же образомъ и въ исторіи христіанскихъ догматовъ есть истины изначальная и основная, признаніемъ (или непризнаніемъ) которыхъ опредѣляется принадлежность (или непринадлежность) къ церкви. Это признаніе является, такъ сказать, конститутивнымъ признакомъ церковности. Говоря въ терминахъ Канта, такого рода доктринальные аксіомы являются въ исторіи синтетическими сужденіями *a priori* (а не аналитическими сужденіями *a posteriori*), онъ лежатъ въ основѣ всего церковнаго опыта и опредѣляютъ всѣ акты доктринальского сознанія. Такой непреложной аксіоматической основой церковности является вѣра во

*) Эту абсурдную противорѣчивость Ватиканскаго догмата отчетливо показалъ Schulte *Der Altkatholizismus*. Giessen. 1871, стр. 311. «Голосование 553 членовъ собора, голосовавшихъ за ватиканский догматъ 18 юля 1870 само по себѣ безразлично, ибо, если бы оно было необходимо, то определеніе было бы невѣрно само въ себѣ, ибо оба обстоятельства: неизмѣнность изъ себя, а не на основаніи определенія церкви, и неизмѣнность съ согласіемъ церкви — суть контрадикторныя положенія на соборѣ. Также и оба положенія: является откровеннымъ отъ Бога догматомъ, что говорящій ехъ *cathedra* папа вслѣдствіе божественной помощи имѣеть непогрѣшительность, и что папа сдѣлался непогрѣшимымъ вслѣдствіе признания его непогрѣшимости со стороны собора, суть контрадикторныя противорѣчія. Слѣдовательно, согласіе и содѣйствие собора безпредметно; кто вѣрилъ въ папскую непогрѣшительность, долженъ въ нее вѣрить, п. ч. папа провозгласилъ это съ каѳедры, а не потому, что на это согласилось 553 разныхъ сортовъ прелатовъ».

Христа Богочеловѣка, Спасителя и Господа, и Его Церковь. Тѣ христологические (отчасти и экклезиологические) догматы, которые устанавливались на вселенскихъ соборахъ, являются по отношенію къ этимъ аксіомамъ догматическими теоремами, которые провѣрялись и доказывались на ихъ основанії. Такъ, напримѣръ, отверженіе аrianства было частнымъ положеніемъ, имѣющимъ въ виду ближе, частнѣе опредѣлить божественность Сына, и эту же задачу — выявить непреложную аксіому вѣры въ частной формулѣ, установить теорему вѣры, ставить себѣ и Никейскій догматъ. Особенностью такой догматической теоремы является то, что она, до авторитетнаго своего и окончательнаго опредѣленія, является проблематической, и на эту то проблему вѣры соборъ и отвѣчаетъ догматомъ, послѣ этого также получающимъ силу аксіомы, ея непреложность. Подобную же природу имѣли и остальные догматы, установленные въ исторіи церкви. Въ этомъ смыслѣ каждый догматъ для своего времени давалъ нечто новое, чего еще не было въ церковномъ сознаніи (почему и можно предъ лицомъ этого факта говорить о догматическомъ развитіи Церкви), хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ развитіи принципіально не можетъ быть ничего нового, ибо въ Церкви все дано съ ея основанія, она есть полнота Наполняющаго во всѣхъ, а всѣ ея догматы — теоремы суть только разныя обнаруженія ея непреложныхъ аксіомъ, выражавшихъ самое ея существованіе. Поэтому, вообще говоря, не можетъ быть и не было соборовъ, которые бы догматически устанавливали вѣру въ Богочеловѣка и Его церковь, хотя эта вѣра торжественно провозглашалась (напр. въ Никео-Константинопольскомъ символѣ). Однако здѣсь устанавливалась лишь извѣстная формула вѣры, а не самая вѣра, которая, разумѣется, была и

безъ символовъ и раньше символа, и она именно утвердила и соборъ, и символъ.

Примѣнимъ это различеніе къ вопросу о Ватиканскомъ догматѣ. Принадлежитъ-ли онъ, если онъ истиненъ, къ числу такихъ догматическихъ теоремъ, которыя до времени оставались въ догматического поля зрењія и лишь съ опредѣленнаго момента вступаютъ въ него? — Можетъ-ли та кой догматъ явиться догматическимъ новшествомъ (хотя бы въ томъ относительномъ смыслѣ, въ какомъ это вообще возможно), или же онъ принадлежитъ къ числу конститутивныхъ условій всякаго религіознаго опыта, есть какъ бы a priori церковности? Въ томъ видѣ, какъ папскій приматъ понять и установленъ на Ватиканскомъ соборѣ, очевидно, можетъ быть только послѣднее. Своеобразный экклезіопапизмъ, тамъ провозглашенный, объявляющій подчиненіе папѣ условіемъ церковности и дѣлающій послѣдняго живымъ начальникомъ церкви на землѣ, земнымъ викаріемъ Христа, т. е. земнымъ Христомъ относительно церкви, очевидно, могъ бы быть лишь столь же изначальнымъ, какъ и та аксіома вѣры, что Христосъ есть глава Церкви. И очевидно, что провозглашеніе такого догмата возможно только какъ торжественная декларация, а не какъ плодъ обсужденія и разрѣшенія догматической проблемы, поставленной въ видѣ «схемы» собору для обсужденія и принятія или непринятія. Соборъ, провозглашающій непогрѣшительную власть въ церкви *ex sese sine consensu ecclesiae*, совершаетъ актъ противорѣчій и безмысленный, самъ себя уничтожающій, есть *reductio ad absurdum* самого этого собора. Поэтому ватиканскій догматъ внутренно саморазлагается. Такой догматъ вообще не могъ быть провозглашеннъ соборомъ въ формѣ догматического постановленія, а развѣ только исповѣданъ въ видѣ вѣрноподданническаго адреса съ изъявлені-

емъ преданности и послушанія. Такой догматъ, по смыслу его, властенъ произнести только папа, притомъ всякой папы и во всякое время, не только Пій IX въ Ватиканѣ, но и напр. Мартинъ V въ Констанцѣ или Евгеній IV въ Базелѣ. Поэтому не только оба послѣдніе собора, но даже и ватиканскій съ его борьбой и попытками противодѣйствія со стороны меньшинства оказываются фактическимъ отрицаніемъ мнимой доктрины аксіомы. Самыя эти попытки являются уже не законнымъ дѣйствиемъ членовъ собора, ихъ обязанностью, но прямымъ церковнымъ бунтомъ и ересью. Нельзя спасти положеніе и указаніемъ на то, что, хотя догматъ этотъ содержался въ церкви всегда, однако только теперь пришло время для его провозглашенія. Идея «развитія докторіи» не пользуетъ нимало относительно вопроса о церкви и ея главѣ: здѣсь могутъ измѣняться только формулы докторіи, но существо его всегда должно быть аксіоматически ясно, и, какъ доктринальное новшество, такой догматъ не можетъ быть провозглашенъ. Включеніе въ формулу докторіи въ домой двусмысленности: *Sacro approbante consilio* (что можетъ быть съ одинаковыми основаніемъ переведено и какъ обстоятельство времени: по или при одобреніи собора, и какъ обстоятельство образа дѣйствія: въ слѣдствіе, въ силу, послѣ, въ результатахъ одобренія собора) еще болѣе подчеркиваетъ внутреннюю невозможность докторіи *ex sese sine consensu ecclesiae*, причемъ эта послѣдняя вставка, сдѣланная въ послѣдній моментъ, болѣе всего превращаетъ Ватиканскій догматъ въ безсмыслицу, въ круглый квадратъ и жареный ледъ. Еще разъ повторилась исторія Вавилонского столпотворенія... Упоенные побѣдою стремились получить наибольшіе трофеи, однако въ своемъ порывѣ не сумѣли во время остановиться и свести

коны съ концами. Этимъ обличается внутренняя противорѣчивость, общая невозможность экклезиопапизма.

* *

*

Ватиканскій догматъ ненуженъ былъ католической Церкви. Порожденіе одной «ультрамонтанской» или, по нашей терминологіі, экклезиопапистской или просто папистской партіи въ церкви, онъ явился неожиданностью, навязанной сверху. Имъ нисколько не былъ увеличенъ или укрѣпленъ папскій авторитетъ фактически, — онъ и безъ того былъ и остается такъ великъ, что едвали даже можетъ быть увеличенъ. Новый догматъ только придалъ папѣ доктринальный нимбъ. Католическое богословіе, которое принуждено было внести въ свои анналы Ватиканъ, не знаетъ, что дѣлать съ этимъ догматомъ, и по настоящее время онъ остается доктринальной шарадой (несмотря на ворчливое заявленіе п. Пія IX еще въ 1871 г., въ отвѣтъ на просьбы о т o ч n ъ й ш e мъ истолкованіи новаго догмата, что онъ ясенъ для всѣхъ, обладающихъ доброй совѣстью, — но что же иное и оставалось сказать создателю, а вмѣстѣ и жертвѣ Ватиканскаго опредѣленія?). До сихъ поръ, за полвѣка, изъ него не было сдѣлано еще ни разу практическаго примѣненія, папа ни разу не выказался торжественно ex cathedra. Одной его plena potestas оказалось достаточно, чтобы облекать непогрѣшимостью всякия, въ томъ числѣ и доктринальные, опредѣленія (напр. противъ модернистовъ). Однако, несмотря на свою практическую ненужность, догматъ этотъ явился и e i з б ъ ж н о с т ъ ю, какъ послѣдній логическій выводъ церковнаго юридизма и какъ предѣльный симптомъ глубокаго духовнаго распада зап. христіянства, происшедшаго съ реформаціей. Ватиканскій догматъ есть

послѣднее слово протестантизма винутріи католичества, реформаціи, дѣйствующей какъ контр-реформація. Несмотря на властолюбіе отдѣльныхъ папъ и на историческую силу папства, Ватиканскій догматъ бытъ бы и невозможенъ и безмысленъ до реформаціи: невозможенъ потому, что начала церковной свободы еще живы были въ католической церкви, какъ мы знаемъ уже изъ исторіи предреформаціонныхъ соборовъ, и ученіе о папскомъ приматѣ не принимало характера ученія о церковномъ единодержавіи; безмысленъ же потому, что вовсе и не было врага, отвергающаго церковную власть іерархіи. Реформація расколола не только виѣшнее тѣло церкви, но и внутреннее его единство. То соединеніе христіанской свободы и церковнаго послушанія, которое составляетъ существо церкви и нынѣ исповѣдуется только въ православіи, разрушилось: свободолюбіе ушло, манимое призракомъ свободы безъ послушанія, въ пустыни протестантизма и индивидуализма, а послушаніе, осознавъ себя въ своей враждебности свободѣ, еще болѣе прежняго изсохло въ законничествѣ. Реакція ветхозавѣтныхъ началъ въ христіанствѣ, которая и ранѣе была замѣтна въ западной церкви, теперь усилилась, и послѣднимъ словомъ этой ветхозавѣтности явился ватиканскій догматъ. Католическая церковь и доселѣ не оправилась отъ своеобразнаго духовнаго источенія послѣ реформаціи, выразившагося, между прочимъ, въ своеобразномъ духовномъ милитаризмѣ *societatis Jesu*, этомъ образѣ новѣйшаго, послѣреформаціоннаго католичества. Нельзя не изумляться обилію силъ и жизненности западнаго христіанства, явленного въ протестантизмѣ, а еще болѣе въ католичествѣ, но нужно видѣть и это особенное его качество. Не нужно растѣплѣться богатствомъ его чешскихъ силь, возрастомъ культуры, вы-

сотої цивілізації, — зап. Європа им'єТЬ богатое наслѣдство, но слѣдуеть различать особую т о - н а л ь н о с т ь этой церковности по существу ея. Западно-европейскій міръ остается боленъ неизжитой и непреодолѣнной реформаціей, которая явилась неизбѣжнымъ его кризисомъ. И Ватиканскій соборъ свидѣтельствуетъ, что реформація еще не закончилась, что она продолжается и въ католицтвѣ и въ протестантизмѣ. Эти обѣ раздѣлившіяся половины идутъ въ разныя стороны, причемъ Vaticanum готовить, разумѣется, новое вооруженіе противъ реформації. Однако, оно безсильно и свидѣтельствуетъ скорѣе о духовной слабости, нежели о моці. Католицтво есть могучая дисциплинированная армія, но церковь не есть армія, и арміей нельзѧ побѣдить реформацію, какъ обѣ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ исторія; и ватиканская армія оказывается доселѣ безсильна противъ реформації. Католицтво, какъ контр-реформація, само опредѣлилось чрезъ отрицаніе христіанской свободы, которую возвѣстило міру Евангеліе. Протестантскій же міръ услышалъ съ наибольшей ясностью это благовѣстіе свободы изъ проповѣди ап. Павла. Для тѣхъ, для кого христіанская свобода есть непреложный д о л гъ христіанина, отъ котораго онъ не можетъ отказаться, нѣть пути въ Ватиканъ. Напротивъ, для нихъ вполнѣ возможенъ и естествененъ путь къ православію, хотя вступленіе на него необходимо должно сопровождаться внутреннимъ и внѣшнимъ преодолѣнiemъ реформації, какъ анти-іерархизма, болѣзни, привитой ей папизмомъ.

Реформація есть великая катастрофа западнаго христіанства, но она есть лишь продолженіе того же самаго процесса, которымъ вызвано было ранѣе т. наз. раздѣленіе церквей. Послѣднее, конечно, им'єТЬ сложныя національно-культурныя и историческія причины, и невозможно отри-

цать долю вины въ немъ, наряду съ Римомъ, и на Византіи, на честолюбії Константинопольскихъ патріарховъ и византійскомъ цезарепапизмѣ, однако не объ этомъ идетъ рѣчъ. Насъ интересуетъ здѣсь, что то самое измѣненіе въ пониманіи и чувствѣ церковности, которое выразилось въ преобладаніи юридическихъ началь и въ папизмѣ, эта ветхозавѣтность, проявившаяся и все усиливавшаяся въ Зап. Церкви, оказалась несовмѣстна съ восточной церковностью. Послѣдняя извнѣ страдала раболѣпіемъ и даже порабощенностю, но внутри хранила завѣты возлюбленного ученика Христова. Петринизмъ, притомъ все больше противопоставлявшійся паулинизму (хотя Петръ и Павелъ вмѣстѣ были основателями Римской церкви), оказывался несовмѣстимымъ съ Іоанновымъ христіанствомъ востока,— не въ историческихъ его слабостяхъ, но въ его умопостигаемомъ существѣ, въ самомъ его *ειδος*. Этого и по сейчасъ не видятъ и не сознаютъ католические богословы. Но слѣдующимъ шагомъ въ усиленіи ветхозавѣтныхъ, духовноіудаистическихъ началь въ католичествѣ явилось уродливое и противоестественное противопоставленіе апостоловъ Петра и Павла, совершившееся въ нѣдрахъ западнаго христіанства. И Ватиканскій догматъ безъ всякой нужды углубляетъ этотъ разрывъ. Въ этомъ смыслѣ онъ есть недобroe дѣло. Фанатическое ослѣпленіе контр-реформаціи побудило довести этотъ внутренній разрывъ до полной непримиримости. Ватиканскимъ догматомъ католичество въ настоящее время духовно изолируетъ себя отъ всего прочаго христіанскаго міра (какъ это въ наши дни снова проявилось на примѣрѣ Лозанской*) конференці). Всегда агрессивное и прозелитическое фактически, теперь оно и доктринально вынуждается быть таковымъ. *Extra ecclesiam*

*) Ср. нашу статью въ Пути, августъ 1928 года: Къ вопросу о Лозанской Конференці (энциклика п. Пія XI *mortalium animos*).

nulla salus теперь определено понимается такъ, что виѣ подчиненія папѣ, которому принадлежить omnis creatura (еще по буллѣ Бонифація VIII Unam sanctam), нѣтъ спасенія. Для католиковъ естествененъ становится одинъ образъ дѣйствій — завоевательный, одна политика — папскаго имперіализма. Католичество, по догматическому своему существу, не можетъ знать иного соединенія, кроме подчиненія папѣ, это властолюбіе не личное или, такъ сказать, психологическое, но онтологическое. Католичество должно онтологически измѣниться, утратить свой папизмъ, сдѣлаться православнымъ въ этомъ рѣшающемъ пунктѣ, чтобы явилась потребность въ соединеніи. Молитва Господа: «да будутъ всѣ едино» существенно различно понимается католичествомъ и православіемъ, настолько, что и молятся о разномъ. Ватиканскій догматъ, который явился насилиемъ надъ извѣстной частью католической церкви, болѣе близкой къ православію, и въ настоящее время многихъ понуждаетъ къ лицемѣрію. Однако нельзя отрицать, что папизмъ и по сіе время составляетъ виѣ нѣй фактъ и духовный устой католического міра. И пока остается такъ, приходится сказать, что послѣдній не созрѣлъ еще для подлиннаго соединенія церквей. Здѣсь безсильны теологические доводы, иначе передъ ними давно уже должна была бы разсыпаться ватиканская твердыня волонтаристического богословія. Для этого, кроме вѣковой научной работы протестантизма, достаточно было бы уничтожающей и научно неотразимой критики даже старокатоликовъ. Вся работа научнаго ниспроверженія папизма въ сущности уже произведена. Нѣтъ, здѣсь должна воздѣйствовать сама жизнь, новыи опытъ, котораго католичество пока не знаетъ. Папство испытало великія потрясенія и догматическія колебанія: въ эпоху авиньонскаго плененія, въ XV вѣкѣ, въ концѣ

XVIII в. Въ нашъ вѣкъ великихъ потрясеній гарантировано ли и оно отъ нихъ, хотя и кажется, что незыблема «скала Петрова», и даже возстановляется папское государство? Незыблемой казалась твердыня и царского цезарепапизма, но она разсыпалась въ дребезги въ нѣсколько дней. И каждый исторический часъ, каждый переворотъ чреватъ новыми возможностями и потрясеніями.

До сихъ поръ, пока стоитъ католицкий доктринальный догматъ, для православнаго міра онъ есть непреодолимое препятствіе къ искреннему и подлинному движению къ возсоединенію съ католичествомъ. Несомнѣнно, и въ православіи есть люди католической психологіи и католического образа мыслей — паписты безъ папы, которые по-католически понимаютъ церковность и по-католически же говорятъ не о в о з соединеніи, но лишь о присоединеніи и подчиненіи. Не беря здѣсь вопроса о церковномъ расколѣ и его преодолѣніи во всемъ его доктринальномъ объемѣ, можно констатировать однако, что католизирующими мнѣніями отнюдь не исчерпывается и не опредѣляется все отношение къ рассматриваемому вопросу въ православіи, и ужъ во всякомъ случаѣ въ нѣдрахъ православія сохраняется полная возможность судить о вопросѣ по существу. За вѣка раскола между востокомъ и западомъ накопилось немало доктринальныхъ различій, если не разногласій. Всѣ они еще могутъ быть обсуждаемы по существу, если только для этого есть возможность съ обѣихъ сторонъ. Для православія такая возможность есть. Однако, до тѣхъ поръ, пока твердо стоитъ католицкий доктринальный догматъ, эта возможность (на вселенскомъ соборѣ или инымъ способомъ) для католичества отпадаетъ, п. ч. всѣ доктрины католичества, каковы бы они ни были и чего бы ни касались, обсужденію по существу не подлежать, разъ они получили папское утвержденіе, имѣютъ на себѣ штемпель

непогрѣшимости. Возможно здѣсь только подчиненіе и присоединеніе. Но на такую почву, разумѣется, православіе не можетъ вступить по своему существу, ибо это значило бы отвергнуться своего церковнаго естества, благодати Св. Духа, живущей въ Церкви, которую вѣдаетъ всякий православный.

Ватиканскій догматъ является въ настоящее время центральнымъ для вопроса о возсоединеніи церкви, если Господь когда либо явить міру это чудо Своей милости. Раньше, въ эпоху II Ліонскаго и Флорентійскаго собора, главными вопросами доктринальскими пререканій былъ догматъ о Духѣ Святомъ, о filioque, и лишь на второмъ мѣстѣ стоялъ вопросъ о папскомъ приматѣ (вмѣстѣ съ вопросомъ о совершенніи літургіи на квасномъ или прѣсномъ хлѣбѣ, о чистилищѣ и нѣкотор. др.). Въ настоящее время вопросъ о Св. Духѣ, конечно, не потерялъ ни своей важности, ни своей трудности, но фактически, въ сознаніи, онъ уже пересталъ быть *impedimentum dirimens*, по выражению В. В. Болотова, и допускаетъ возможность спокойнаго богословскаго обсужденія (какъ это и имѣло мѣсто при переговорахъ съ старокатоликами). Почти утерялъ значеніе и непомѣрно преувеличенный въ свое время вопросъ о различіи въ восточной и западной літургіи и объ опреѣнокахъ. Сравнительно второстепеннымъ является вопросъ даже о чистилищѣ, какъ и о новомъ догматѣ Непорочнаго Зачатія (поскольку онъ не сплетается во едино съ папской непогрѣшительностью). Но зато всѣ эти частныя разногласія заслонены однимъ, — основнымъ. Это непомѣрно выросшій и окрѣпшій за эти вѣка папизмъ, доктринальски утвержденный въ ватиканскомъ догматѣ. Это и есть основное и опредѣляющее разногласіе между востокомъ и западомъ. Католичество стало папизмомъ и утверждается какъ таковой, напротивъ,

православіе, хотя оно можетъ и должно признавать первенство римской кафедры, воздавая ей древнюю честь, ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять именно папизмъ, который является для него ересью въ учениі о церкви. Такимъ образомъ, вопросъ стоитъ съ роковой безвыходностью: до тѣхъ поръ пока католичество не перестанетъ быть папизмомъ и не откажется по существу отъ ватиканскаго догмата (хотя бы черезъ новое и точнѣйшее его истолкованіе), — а для этого долженъ совершиться въ немъ геологическій переворотъ, — къ соединенію съ нимъ нѣть путей. Однако невозможное для человѣка возможно для Бога, и намъ остается ввѣриться Промыслу, насы ведущему, устроющему судьбы Церкви и совершающему невозможное для человѣковъ.

Протоіерей Сергій Булгаковъ.